

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

Тушинские волки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иосаф Арианович Л.**
Тушинские волки / Любич-Кошуров Иосаф Арианович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2025. – 120 с.

ISBN 978-5-519-94419-9

ISBN 978-5-519-94419-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Къ постоялому двору въ селѣ Тушинѣ подѣхали въ саняхъ женщина, закутанная въ шаль и шубу, и мужчина въ простомъ синемъ домотканнаго сукна зипунѣ.

Содержатель постоялаго двора Иванъ Азейкинъ стоялъ на крыльцѣ, засунувъ руки въ карманъ засаленной на груди и застегнутой только на два верхнихъ крючка, потому что нижніе крючки были оторваны, поддевки. Поддевка была короткая, едва доходила до колѣнъ. На ногахъ Ивана Азейкина были сафьянные сапоги, сильно поношенные; только вблизи можно было разсмотрѣть, что сапоги раньше были краснаго цвѣта—они совершенно слиняли. Кромѣ того, вѣроятно, отъ неумѣнья ходить въ такихъ сапогахъ, они были стоптаны, и носки отставали чуть не на вершокъ отъ пальцевъ, загибаясь кверху.

Онъ былъ безъ шапки. Онъ вышелъ на крыльцо, должно быть, чтобы покормить куръ и покараулить, чтобы ихъ не отогнала собака отъ выставленной имъ чашки. Куры клевали изъ чашки сбоку крыльца, и тутъ же сидѣла эта собака, черная, съ бѣлой грудью и лапами, настороживъ острые уши и глядя прямо въ чашку.

Не вынимая рукъ изъ кармановъ поддевки, Иванъ Азейкинъ крикнулъ:

— Проѣзжай во дворъ, чего остановился? — и зашевелилъ пальцами въ карманахъ, отвернувшись въ сторону, и сказавъ что-то не совсѣмъ внятное, но, по всему видно, выругавшись про-себя,—когда вмѣсто того, чтобы провести

лошадь во дворъ, мужчина въ зипунѣ, уже вылѣзшій изъ саней, подаль руку женщинѣ и помогъ ей тоже сойти.

Затѣмъ они стали взбираться по ступенькамъ крыльца, которыхъ всего было четыре. Мужчина поддерживалъ женщину подъ локоть.

Тутъ Иванъ Азейкинъ, принявшійся было махать на собаку лапами поддевки, все держа руки въ карманахъ и, дѣйствуя ими оттуда, изнутри, быстро повернулся.

Мужчина и женщина задержались на минуту на второй ступенькѣ, и мужчина отвернулъ бѣлыми руками высокій воротникъ зипуна.

Когда Иванъ Азейкинъ острымъ быстрымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ лицо мужчинѣ, то качнулся назадъ, и видно было, какъ онъ растопырилъ пальцы въ карманахъ: они очень отчетливо обозначились тамъ, оттопыривъ карманы.

— Матерь Божія,—сказалъ Иванъ Азейкинъ такъ, какъ будто у него вдругъ не хватило голоса, и, вынувъ изъ кармановъ руки, сложилъ ихъ на груди и склонилъ голову набокъ.

Онъ удивился только на одну секунду, и сейчасъ же у него заискрились и заблестѣли глаза и все лицо кругомъ обошла улыбка, и на щекахъ отъ этой улыбки образовались впадины. Но и это продолжалось недолго. Тоже не больше секунды смотрѣлъ онъ на мужчину сузившимися и улыбающимися глазами, съ головой, склоненной къ плечу, и руками, сложенными на груди. Въ слѣдующій моментъ онъ воскликнулъ негромко, вытаращивъ глаза, которые вдругъ стали круглые, какъ пуговицы:

— Можетъ, что вышло?.. Ась?

И взглянулъ искоса на женщину.

— То и вышло,—сказалъ мужчина,—что пріѣхалъ къ тебѣ. Вина надо согрѣть. Есть у тебя кто-нибудь?

Онъ говорилъ это на-ходу, въ бокъ Азейкину и, пройдя

мимо него, взялся за скобку двери. Азейкинъ самъ отворилъ дверь.

— Кому теперь быть,—сказалъ онъ, пропустивъ мужчину и женщину впередъ,—ѣздить, да вѣдь это что. Нѣтъ, в а ш а милость, никого нѣту.

И, войдя вслѣдъ за пріѣзжими въ просторныя сѣни, заперъ дверь и защелкнулъ щеколду.

Сдѣлалъ онъ это очень быстро и, забѣжавъ впередъ, распахнулъ передъ пріѣзжими внутреннюю дверь, ведущую изъ сѣней въ жилое помѣщеніе.

До Тушинскаго «царика» Иванъ Азейкинъ былъ самый обыкновенный мужикъ, только что держалъ постоянный дворъ. Ходилъ онъ тогда въ рубахѣ ниже колѣнъ, которую подпоясывалъ веревочкой не въ талии, а много выше талии, почти подъ грудью, и въ порткхъ изъ холста, вытканнаго дома и дома же выкрашеннаго. Лѣтомъ не носилъ никакой обуви, а зимой обувался въ лапти съ кожаными подметками, обернувъ ноги теплыми онучами.

Былъ онъ малъ ростомъ, и не было въ немъ никакой степенности. Но не было и никакой вертлявости и никакого проворства.

Всѣ онъ говорилъ «ты»—и боярамъ, и дворянамъ, и приказнымъ. И когда его спрашивали о чемъ-либо, не торопился отвѣчать, скребъ пальцами въ затылкѣ, чесалъ спину.

И потомъ уже отвѣчалъ.. И если отвѣчать приходилось приказному или дворянину, то смотрѣлъ всегда внизъ и въ сторону, держа шапку въ обѣихъ рукахъ.

Въ волосахъ на головѣ и въ бородѣ у него всегда была либо солома, либо обитые цѣломъ колосья и руки были съ корявыми отъ мозолей пальцами... Крашеные его портки, едва доходившіе до щиколокъ, всегда были гдѣ-нибудь заплатаны, и только въ праздникъ одѣвалъ онъ новую бѣлую или тоже изъ крашеной холстины рубаху и подпоя-

сывалъ ее новымъ шерстянымъ поясомъ и обувался въ новыя бѣлыя лапти, «нехоженые».

Но при «царикѣ» въ Тушино понаѣхало много разнаго народа и съ польской стороны, и изъ Сѣверской земли.

Иванъ Азейкинъ и раньше потихоньку курилъ у себя въ овинѣ вино на продажу, а при «царикѣ» вино можно стало курить открыто. Запрета никому не было.

Првые стали къ Азейкину ходить «сѣверскіе» люди, въ такихъ широкихъ красныхъ штанахъ, что онъ долго дивился не столько на штаны, хотя и на штаны было чудно смотрѣть, сколько на самихъ сѣверскихъ людей. Были они хотя не московскіе, а свои же. Они, правда, иногда сидѣли въ горницѣ въ шапкахъ, но иконы почитали и умѣли креститься православнымъ крестомъ.

Онъ сперва спрашивалъ у нихъ очень осторожно, чтобы не обидѣть, какого они «роду-племени», такъ какъ все-таки трудно ихъ было по ихъ разнымъ ухваткамъ признать за своихъ.

Но они ему божились и крестились на икону, чтобы не сомнѣвался.

Потомъ онъ узналъ, что они самые крайніе въ Сѣверской землѣ, самые прирубежные. А тамъ ужъ дальше, за ними пойдутъ степи. Однако, и ближніе сѣверскіе люди, которые тоже ходили къ нему въ большомъ числѣ, не хуже этихъ прирубежныхъ и говорили такъ, что не сразу поймешь: будто по-московски, а какъ-будто и не по-московски, и одѣвались к у ц о, сейчасъ видно, что не для мірнаго житія: и не дорожные грабители, а какъ-будто и не безъ этого.

И тоже бороды брили... Но иконы почитали и по-православному умѣли креститься.

Пошли отъ нихъ у Ивана Азейкина деньги. Разъ запрегъ онъ лошадь сѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда меду въ бочкахъ и хорошаго бутылочнаго нѣмецкаго вина.

Тутъ ужъ стали къ нему ходить повыше чиномъ: сотен-

ные начальники, польскіе и сѣверскіе люди, ротмістры и иного военнаго званія господа и паны. Ходили и московскіе дворяне, и бояре, прибившіеся къ царіку и державшіе его руку.

Будь у царика только одни московскіе, Иванъ Азейкинъ не перевернулся бы въ такого человѣка, какимъ сталъ потомъ.

Отчего ему было бы тогда перевернуться?

Какъ онъ перевернулся, онъ этого самъ не замѣтилъ.

Служилъ—служилъ польскимъ панамъ и сѣверскихъ людей начальникамъ и мало-по-малу «перелинялъ».

Вышелъ изъ него не то трактирщикъ, не то харчевникъ, не то корчмарь.

Къ нему и теперь еще ѣздили по старой памяти кое-кто изъ большихъ московскихъ людей, сперва было прибившіеся къ царіку, а потомъ отъ него отставшіе.

Теперь Иванъ Азейкинъ и медъ умѣлъ самъ варить, и умѣлъ кушанья готовить такъ, что ни одна баба такъ не сготовитъ.

За тѣмъ къ нему и ѣздили изъ Москвы: попить да поѣсть—погулять на свободѣ.

ГЛАВА II.

Иванъ Азейкинъ подалъ приѣзжимъ половину копченнаго гуся, хлѣбъ, оловянную чашку съ солеными огурцами, вино въ зеленой бутылкѣ и медъ въ глиняномъ кувшинѣ, мѣрой ковшъ въ полтора.

Разогрѣлъ онъ и вино, но не на огнѣ, а такъ, какъ это научили его дѣлать «сѣверскихъ людей начальники»: зажегъ вино въ оловянной кружкѣ отъ лучины, которую въ свою очередь зажегъ отъ горячихъ углей въ печи.

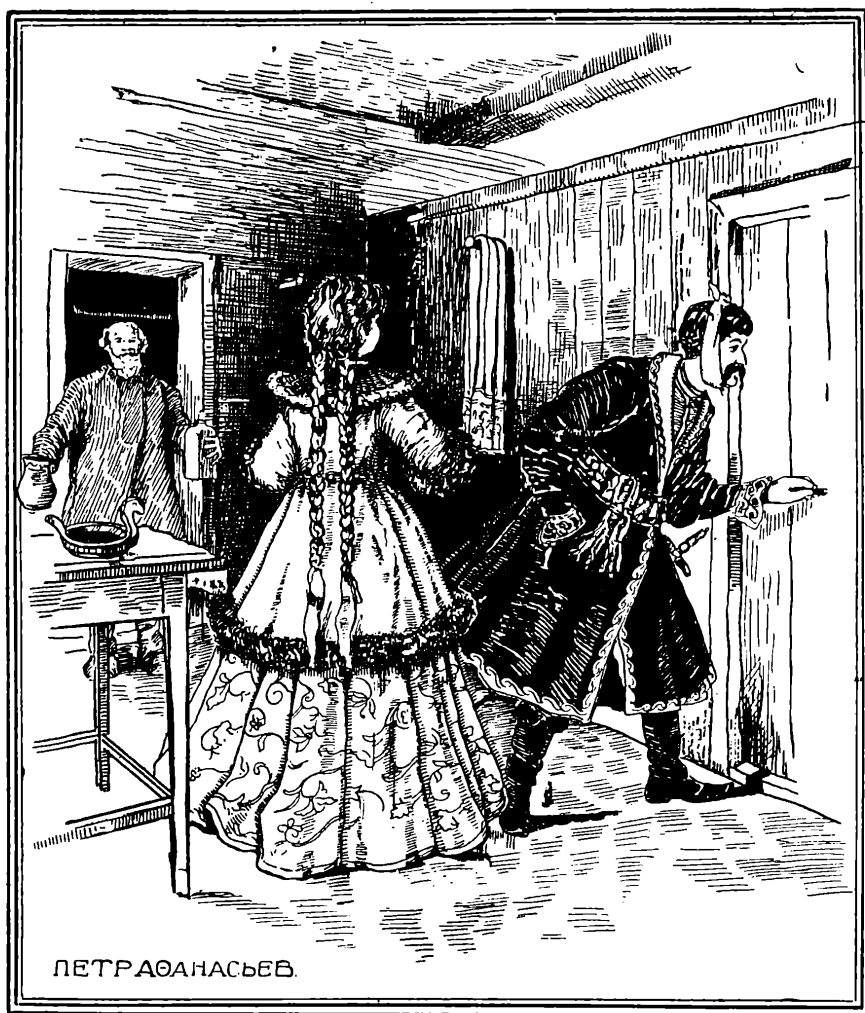
Лучины у него были особенныя, съ сѣрыми головами. Дѣлать такія лучины научилъ его слуга одного польскаго пана.

Сѣра на лучинѣ воспламенялась очень легко и скоро прогорала, и тогда начинала уже горѣть лучина.

Все время, пока онъ сутился, лазилъ на чердакъ за гусемъ (тамъ у него кромѣ гусей висѣли и свиные окорока), лазилъ потомъ въ погребъ за виномъ,—все это время за перегородкой изъ половинчатыхъ бревенъ, поставленныхъ стоймя, слышались тихіе звуки какого-то струннаго инструмента.

Звуки будто капали сквозь перегородку, недостаточно толстую и плотную, чтобы ихъ заглушить и недостаточно тонкую, чтобы слышать ихъ отчетливо.

Когда приѣзжіе раздѣвались, женщина сказала мужчине шепотомъ, указавъ глазами на перегородку.

— Тамъ есть кто-нибудь?

— Тамъ кто-то есть.

Азейкина въ это время не было: онъ ушелъ за виномъ.

Мужчина подошелъ къ перегородкѣ. На немъ былъ польскій бунтушъ. У пояса висѣла длинная и тонкая шпага. Такихъ шпагъ поляки не носили. И въ лицѣ мужчины тоже не было ничего, что бы дѣлало его похожимъ на польскаго рубаку, вродѣ тѣхъ, которые бражничали здѣсь въ свое время. Но правая его щека была подвязана платкомъ, какъ повязываютъ щеку, когда болятъ зубы. На платкѣ съ одной стороны было небольшое пятно просочившейся черезъ повязку и еще не засохшей какъ слѣдуетъ крови.

Онъ сказалъ, постучавъ въ перегородку:

— Тамъ есть кто-нибудь?

За перегородкой стало тихо. Ожидая отвѣта, женщина, уже снявшая шубу и разматывавшая платокъ на головѣ, перестала его разматывать и прислушалась, стоя съ поднятыми руками и держа платокъ за края у плечъ.

Молодой женскій голосъ, сказалъ за перегородкой:

— Никому не нужно знать, кто я.

Мужчина и женщина переглянулись. За перегородкой не было больше слышно никакого шороха и никакого звука. Подождавъ минуту, мужчина спросилъ опять, ставъ къ перегородкѣ бокомъ, наклонивъ голову и почти приложивъ къ перегородкѣ ухо:

— А кто тамъ еще?

— Я одна...

— А кто играетъ?

— Я.

Голосъ черезъ перегородку проходилъ совершенно ясно. Снова тихо зазвучали струны.

Мужчина застучалъ въ перегородку.

— Кто ты?

— Будто не знаешь?

Легкими шагами къ мужчинѣ подошла его спутница. Она была очень красива, съ черными волосами, заплетенными въ двѣ толстыя косы. Въ косѣ были вплетены красныя ленты. Костюмъ былъ польскій, изъ дорогого краснаго атласа. Сверхъ платья была одѣта короткая шубка въ талію, съ мѣховой опушкой.

Она подошла къ мужчинѣ заглянула ему въ лицо. Съ мороза у нея горѣли щеки и блестѣли глаза, и въ глазахъ сквозь этотъ, словно принесенный съ полей, которыми она ѣхала, и заимствованный у зимняго неба блескъ мелькнуло что-то пугливое, насторожилось тамъ, въ ихъ глубинѣ. Въ отвѣтъ на этотъ взглядъ мужчина пожалъ плечами.

— Нѣтъ, не знаю,—сказалъ онъ твердо.

— Будто?...—раздалось за перегородкой.

Въ голосѣ невидимки теперь блеснулъ смѣхъ, какъ бѣлые зубы сквозь улыбку. Дѣвушка или женщина, бывшая за перегородкой, произнесла это слово громче, чѣмъ говорила раньше, и сейчасъ же ея голосъ, въ которомъ, когда она говорила, смѣхъ только загорѣлся—перешелъ въ смѣхъ долгій и звонкій, разсыпавшійся серебромъ, за перегородкой, и въ помѣщеніи для пріѣзжихъ.

И этотъ смѣхъ, звенѣвшій какъ серебро, опять тутъ же, едва успѣлъ прозвучать, свернулся въ слова:

— А ты спроси... Знаешь, у кого спросить?

— У кого?

— У Касимовскаго хана...

Мужчина и женщина опять переглянулись, и въ лицѣ мужчины была теперь досада, зачѣмъ она на него такъ смотритъ.

Онъ сейчасъ же отвернулся.

— У кого? У хана?

— Или у Ваньки...

— У какого Ваньки?—спросилъ мужчина, подумавъ